

Немудров К. А. Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-х — начале 1970-х годов : научная дипломатия как фактор разрядки международной напряженности / К. А. Немудров, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 414—429. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-414-429.

Nemudrov, K. A., Reinhardt, R. O. (2023). Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in 1960s — Early 1970s: Science Diplomacy as a Factor of Détente. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 414-429. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-414-429. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-414-429

Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-х — начале 1970-х годов: научная дипломатия как фактор разрядки международной напряженности

Немудров Константин Алексеевич
orcid.org/0000-0002-1651-8563
аспирант кафедры дипломатии
konstantin_nemudrov@mail.ru

Райнхардт Роман Отмарович *
orcid.org/0000-0002-0890-8844
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры дипломатии
* *корреспондирующий автор*
don.reinhardt@mail.ru

Московский государственный институт
(университет) международных отношений
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 18-78-10123-П

Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in 1960s — Early 1970s: Science Diplomacy as a Factor of Détente

Konstantin A. Nemudrov
orcid.org/0000-0002-1651-8563
Post-graduate Student
konstantin_nemudrov@mail.ru

Roman O. Reinhardt *
orcid.org/0000-0002-0890-8844
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Diplomacy
* *Corresponding author*
don.reinhardt@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 18-78-10123-П

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются особенности советско-американского сотрудничества в сфере науки и техники в 1960-х — начале 1970-х годов. Рассматривается вопрос об изначально наблюдавшихся дисбалансах в научных обменах и различных подходах к оценке эффективности реализации основополагающего профильного соглашения Лэйси—Зарубина с позиций взаимности и симметричности. Вводятся в оборот два документальных источника — письма У. С. Лэйси, специального помощника по вопросам обменов между Востоком и Западом государственного секретаря США, и Г. Б. Кистяковского, специального помощника президента США по науке и технологиям, адресованные государственным секретарям Дж. Ф. Даллесу и К. А. Гертеру. На базе анализа документов сделан вывод об отсутствии единого мнения по вопросу измерения результативности и интенсивности научно-технического сотрудничества между СССР и США, равно как и об отсутствии специальной методологии. Выявлено, что имевшиеся на первой стадии реализации соглашения Лэйси—Зарубина к концу 1960-х годов были по большей части устранены. Несмотря на принципиальные различия институциональных и кадровых стратегий проведения научных обменов и связанных с ними мероприятий, которые также выступают предметом анализа, Москва и Вашингтон смогли найти необходимые точки соприкосновения для действенного стимулирования двустороннего научного сотрудничества. Отмечено, что важная роль в процессе достижения консенсуса отводилась самим участникам программ обменов, среди которых было немало ученых с мировым именем. Сделан вывод о том, что исследуемое взаимодействие по научному треку вполне допустимо рассматривать в качестве одного из факторов разрядки международной напряженности эпохи биполярного противостояния.

Ключевые слова:

советско-американские отношения; научная дипломатия; международное научно-техническое сотрудничество; соглашение Лэйси—Зарубина; разрядка международной напряженности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the Soviet-American cooperation in the field of science and technology in the 1960s — early 1970s are studied. The issue of initially observed imbalances in scientific exchanges and differences in approaches to assessing the effectiveness of the implementation of the fundamental Lacy—Zarubin agreement from the standpoint of reciprocity and symmetry is considered. Two documentary sources are put into circulation — letters from W. S. Lacy, Special Assistant for East-West Exchanges to the US Secretary of State, and G. B. Kistiakowsky, Special Assistant to the President of the United States on Science and Technology, addressed to Secretaries of State J. F. Dulles and K. A. Herter, respectively. Based on the analysis of these documents, it is concluded that there is no consensus on the issue of measuring the effectiveness and intensity of scientific and technical cooperation between the USSR and the USA, as well as the absence of a special methodology. It was revealed that problems concerning the Lacy—Zarubin agreements implementation that existed at the first stage were largely eliminated by the end of the 1960s. Despite the fundamental differences in institutional and human resources strategies for conducting scientific exchanges and related events, which are also subject to analysis, Moscow and Washington were able to find the necessary points of contact to effectively stimulate bilateral scientific cooperation. It was noted that an important role in the process of reaching consensus was assigned to the participants of the exchange programs themselves, among whom there were many world-famous scientists. It is concluded that the researched interaction along the scientific track can be considered as one of the factors of détente in the era of bipolar confrontation.

Key words:

Soviet-American relations; science diplomacy; international scientific and technical cooperation; Lacy—Zarubin agreement; détente.

Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-х — начале 1970-х годов: научная дипломатия как фактор разрядки международной напряженности

© Немудров К. А., Райнхардт Р. О., 2023

1. Введение = Introduction

Несмотря на сложную международную обстановку и периодическое обострение противоречий между СССР и США в 1960-е — первой половине 1970-х годов, научно-техническое сотрудничество двух сверхдержав поступательно развивалось и характеризовалось положительной динамикой. Залогом данного развития, его нормативно-правовой и институциональной базой выступало, в первую очередь, подписанное 27 января 1958 года *соглашение Лэйси–Зарубина* (далее — Соглашение [Agreement, 1958]) [Райнхардт и др., 2023]. Названное Соглашение частично пересматривалось, но неизменно продлевалось каждые два-три года, и продолжало действовать даже тогда, когда советско-американские отношения находились в состоянии кризиса — например, Карибского кризиса в 1962 году. Так продолжалось до тех пор, пока 19 июня 1973 года в Вашингтоне стороны не подписали *Общее соглашение о контактах, обменах и сотрудничестве* на период до 31 декабря 1979 года, которое открыло уже новую страницу истории научного диалога Кремля и Белого дома [Сазанова, 2007].

В нашей предыдущей работе мы подробно рассмотрели обстоятельства заключения соглашения Лэйси–Зарубина, роль фактора личности переговорщиков с советской и американской стороны в данном процессе, а также особенности имплементации документа в течение первых двух лет после его подписания [Райнхардт и др., 2023]. Было отмечено, что, при предельно конкретном и детальном виде самого Соглашения, в специализированных трудах по данной теме приводится достаточно мало данных о том, как оно реализовывалось. Так, имеющиеся в научном обороте, и особенно в отечественном дискурсе, сведения носят достаточно общий характер. С учетом этого видится интересным и полезным рассмотреть, как именно на практике выглядели научно-технические связи Москвы и Вашингтона в период 1958—1973 годов.

Такой анализ предстает тем более актуальным с точки зрения того, что научная дипломатия соответствующего этапа, импульсом которой стало

подписание соглашения Лэйси–Зарубина, могла выступать одним из факторов разрядки международной напряженности рубежа 1960-х — 1970-х годов (далее — *разрядка*). Согласно выдвигаемой гипотезе, взаимные визиты ученых, академические обмены, а также иные научные мероприятия, предусмотренные Соглашением, могли способствовать смягчению геополитического климата и — пусть в малой, ограниченной степени — но благотворно сказываться на укреплении доверия между советским и американским обществами. Разумеется, отводить такому достаточно узкому полю двустороннего взаимодействия роль основной движущей силы разрядки было бы методологически некорректно. Однако допущение самой возможности его влияния в совокупности с другими факторами на тренды международной жизни исследуемого промежутка времени представляется вполне оправданным.

Таким образом, исследовательский вопрос настоящей работы сводится к тому, как и в какой степени количественные показатели и качественные характеристики советско-американского научно-технического сотрудничества могли коррелировать с налаживанием связей и сглаживанием конфликтов между странами, находившимися в состоянии Холодной войны. Ответ на данный вопрос имеет значение как с позиций вклада в историографию избранной проблематики, так и в контексте анализа современных событий на мировой арене, когда диалог, в том числе научный [Райнхардт, 2022], России и США переживает один из своих наиболее глубоких в исторической ретроспективе спадов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Советско-американское научно-техническое сотрудничество в 1960-е — 1970-е годы неоднократно рассматривалось специалистами в рамках трудов, посвященных истории двусторонних культурных и научных связей [Иванян, 2007; Sher, 2019]. Попадала эта тема и в фокус более узкоспециализированных с точки зрения как хронологического, так и функционального охвата исследований [Крынжина, 2020]. В ряде сочинений российских специалистов, которые были рассмотрены в нашей предыдущей работе [Райнхардт и др., 2023], также раскрываются отдельные аспекты проблематики гуманитарного взаимодействия СССР и США исследуемого периода.

Вместе с тем следует отметить, что имеющиеся в отечественном научном обороте сведения носят фрагментарный характер и не отражают в полной мере динамики научных обменов между двумя полюсами системы международных отношений времен Холодной войны. Структурным недостатком видится то, что они либо посвящены какой-либо частной области сотрудничества, либо, наоборот, призваны дать общую картину без детализации

и, особенно, без анализа количественных показателей. С целью частичного решения данной проблемы нами были подробно рассмотрены зарубежные источники, из которых можно было бы почерпнуть недостающую и представляющую интерес в контексте настоящего исследования информацию.

Среди наиболее объемных и ценных трудов внимания заслуживает монография Й. Ричмонда (1923—2020) «Культурный обмен и Холодная война: приподнимаемая “железный занавес”» [Richmond, 2003]. В ней автор, имевший богатый практический опыт работы по анализируемому направлению в качестве дипломата и руководителя структур, ответственных за советско-американские научные и культурные обмены, приводит комплексную хронологию и историографию, статистические данные по объекту анализа, их качественную интерпретацию. При гипотетически неизбежной предвзятости за счет личного опыта, его тезисы отличаются взвешенностью и практически лишены субъективных оценок. То же относится и к первой тематической монографии Й. Ричмонда «Американо-советские культурные обмены в 1958—1986 годах. Кто выигрывает?» [Richmond, 1987].

Похожие по своей сути, но более фокусированные сочинения находим и у других американских авторов [Raymond, 1973; Gould-Davies, 2003; Saul, 2015].

Также заслуживают внимания работы двух отечественных исследовательниц, написанные на английском языке и адресованные, видимо, главным образом зарубежной аудитории. Первая статья содержит описание советско-американского научно-технического сотрудничества во взаимосвязи с категорией научной дипломатии [Krasnyak, 2020]. Вторая — фундаментальный анализ указанного феномена на примере музыковедения [Panteleva, 2020].

Посредством критического анализа, сравнения и систематизации содержащихся в перечисленных трудах сведений были получены результаты, позволяющие частично ответить на исследовательский вопрос.

Еще одним методом, обеспечившим научную новизну работу, стало введение в оборот прежде не публиковавшихся архивных материалов, которые относятся к оценке эффективности реализации соглашения Лэйси–Зарубина на начальной стадии. Речь идет о документах архива государственного департамента США, а именно о двух письмах: У. С. Лэйси в адрес государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса [Department ..., 1958] и Г. Б. Кистяковского в адрес государственного секретаря К. А. Гертера [Department ..., 1959].

Таким образом, был проведен системный анализ источников, в том числе ранее не фигурировавших в российском научном дискурсе, и содержащейся в них фактической и статистической информации. Затем были сравнены институциональные и кадровые стратегии проведения научных

обменов советской и американской сторонами. В совокупности эти процедуры позволили во многом решить поставленную задачу.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Дисбаланс в научных и академических обменах и измерение эффективности научно-технического сотрудничества

При поистине прорывном характере Соглашения для стимулирования советско-американского научно-технического сотрудничества, его имплементация естественным образом была сопряжена с определенными трудностями, особенно на начальной стадии [Analysis, 1961]. Даже максимально четко прописанные в нем меры и положения не могли избавить исполнителей и участников научных обменов от технических и административных проблем. Эти сложности и шероховатости были обусловлены расхождениями подходов сторон не только на микроуровне (научные центры, университеты, делегации ученых), но и на государственном, то есть макроуровне. Иначе говоря, сказывалась различия не столько научно-организационного, сколько научно-политического, в некоторой степени даже общеполитического — словом, более высокого уровня.

Изначальный дисбаланс во входящих и исходящих визитах ученых с советской и американской сторон был уже обозначен в качестве одного из краеугольных камней реализации Соглашения [Райнхардт и др., 2023]. Данный сюжет получил отражение в докладе Комитета Сената США по международным отношениям от 20 августа 1959 года [United States Exchange Programs, 1959]. В связи с этим представляет дополнительный интерес письмо государственному секретарю США Дж. Ф. Даллесу его специального помощника по вопросам обменов между Востоком и Западом У. С. Лэйси от 25 июля 1958 года [Department ..., 1958].

В этом письме, включающем предварительные итоги имплементации Соглашения в течение первых шести месяцев после его подписания, У. С. Лэйси указывает на принцип взаимности как основополагающий критерий эффективности работы. По его мнению, именно то, насколько симметрично, в первую очередь в количественном отношении, проходят предусмотренные планом мероприятия, должно выступать мерилом действительности американско-советской научной дипломатии. Далее по каждой из сфер, подпадавших под действие Соглашения, его подписант приводит соответствующие накопленные данные.

Так, за отчетный период Советский Союз посетили несколько делегаций американских ученых, инженеров и технологов: группа металлургов из 19 человек, 10 специалистов в области пластмассовой промышленности, 4 коллектива агрономов и группа женщин-врачей. Ответные визиты пред-

ставителей аналогичных научных специальностей с советской стороны находились на момент написания письма У. С. Лэйси в процессе согласования. Хотя в тексте это напрямую не сказано, чувствуются сомнения и отчасти даже опасения автора относительно того, что соответствующие мероприятия могли быть реализованы не в той же мере или не в полном объеме.

С другой стороны, приводятся данные об участии советских представителей в одиннадцати научных мероприятиях в США, в то время как американские ученые присоединились лишь к четырем конференциям, проведенным на территории СССР.

Схожие диспропорции наблюдались и в области академических обменов: в общей сложности пять делегаций американских профессоров и других представителей высшей школы за первую половину 1958 года уже посетили Советский Союз, причем эти группы включали специалистов в области как естественных, так и гуманитарных наук. Встречные визиты ожидалось во второй половине того же года, но имплицитно ставились под вопрос. По количеству студентов, вовлеченных в программы обмена, соотношение составляло 40 человек против 20 в пользу американцев. Как показала дальнейшая практика, опасения У. С. Лэйси, неявно выраженные в рассматриваемом письме, оказались небезосновательными и частично оправдались, поскольку не все советские делегаты смогли, согласно изначально намеченному плану, посетить США [United States Exchange Programs, 1959, p. 2].

В другом, не менее интересном письме от 24 ноября 1959 года государственному секретарю США К. А. Гертеру, который сменил Дж. Ф. Даллеса на этом посту в 1959 году, специальный помощник президента США по науке и технологиям Г. Б. Кистяковский предлагает уже иной подход к измерению и оценке эффективности двустороннего научного взаимодействия [Department ..., 1959]. По его мнению, речь должна идти не об абсолютном (арифметическом) сравнении числа проведенных мероприятий и визитов с советской и американской сторон, но о более комплексной и системной методике. Иначе говоря, исчислять равномерность научной дипломатии перечнем прецедентов в части визитов и конференций — слишком формалистично, примитивно и, в конечном счете, нерепрезентативно. Это не дает полной картины и не отражает действительного характера интенсивности научного сотрудничества. Впрочем, то, что именно выдающийся химик, один из участников Манхэттенского проекта и создателей первой атомной бомбы, выходец из Российской Империи и научный советник президента США Д. Эйзенхауэра, вкладывал в понятие «комплексной методики», в письме госсекретарю он раскрывать не стал.

Помимо этого, в цитируемом письме Г. Б. Кистяковский указывал на необходимость снятия неких ограничений с советских ученых, участво-

вавших в научных мероприятиях в США. Данные ограничения, по мнению автора письма, весьма негативно сказывались на общей динамике реализации Соглашения. В то же время то, какие именно ограничения имелись в виду, вновь осталось за кадром. Остается добавить, что, как и в случае с письмом У. С. Лэйси, послание Г. Б. Кистяковского было получено адресатом (чему имеется подтверждение), принято к рассмотрению, однако так и осталось без подробного содержательного ответа. На этом, судя по имеющимся архивным данным, оба сюжета корреспонденции были исчерпаны и дальнейшего развития не получили.

Как бы то ни было, ни универсальной, ни даже частной методологии оценки эффективности реализации Соглашения ни одной из его сторон на официальном уровне предложено не было, что продолжало вызывать расхождения во мнениях на разных уровнях относительно реальных результатов. Тем не менее сами эти результаты были налицо и получали преимущественно позитивные отзывы. С целью более глубокого понимания и интерпретации представляется уместным рассмотреть их в динамике, равно как и в контексте различий институциональных подходов СССР и США к прикладной научной дипломатии.

3.2. Институциональные и кадровые различия подходов и особенности научно-технического сотрудничества

Принципиальной разницей в общем подходе к реализации Соглашения выступало то, что в американская сторона активно применяла инструменты государственно-частного партнерства, в то время как советская по понятным причинам действовала исключительно с планово-экономических и в целом государственных позиций.

Так, для проведения обменов между представителями высшей школы, включая аспирантов и студентов, в США привлекались следующие частные или около-государственные, но де-юре автономные структуры:

— Межуниверситетский комитет по грантам на поездки и стажировки (Inter-University Committee on Travel Grants) при Индианском университете — до 1968 года;

— Международным совет по научным исследованиям и обменов (International Research and Exchanges Board) — с 1968 года;

— Американский совет ученых сообществ (American Council of Learned Societies);

— Исследовательский совет общественных наук (Social Science Research Council) [Richmond, 2003, p. 68].

С советской стороны операторами выступали Академия наук (АН СССР), заключившая в 1959 году профильное соглашение о сотрудничестве с Национальной академией наук США, а также Министерство выс-

шего и среднего специального образования (Минвуз СССР) [Saul, 2015, p. 234]. В то время как первая курировала обмены ученых и научных работников, занятых в ее институтах, второе занималось отбором потенциальных кандидатов для поездок из числа профессорско-преподавательского состава и студенчества. Очевидно, что такая система отбора жила на строгой дисциплине, контролировалась по партийной и комсомольской линиям, равно как и со стороны спецслужб.

Американские университеты — в большинстве своем частные, — куда приезжали стажироваться советские профессора, доценты, преподаватели, аспиранты и студенты, за счет собственных средств освобождали их от сборов и взносов, предоставляли бесплатные места в общежитиях и иные возможности для кратко- и долгосрочного проживания [Richmond, 2003, p. 19]. Данных об их субсидировании для этих целей нам пока обнаружить не удалось. Зато имеется информация об участии благотворительного фонда Форда в финансировании соответствующих статей расходов [Saul, 2015, p. 229].

Благодаря интересу, проявленному таким образом со стороны американских некоммерческих и неправительственных организаций, уже со второго года реализации соглашения квота на студентов с обеих сторон была повышена с 20 до 30 человек. А начиная с 1960 года она стабильно закрепилась на уровне 50 участников [Ibid., p. 233]. При суммировании общее число лиц, принявших участие в соответствующих мероприятиях с советской и американской сторон, за весь период действия Соглашения только в этой категории приближается к 1500. Это на порядок ниже цифры в 10 тысяч советских студентов, которых изначально хотел увидеть в США президент Д. Эйзенхауэр, что, однако, вызвало опасения в плане возможных отрицательных последствий для внутривнутриполитического климата у руководителя ФБР Дж. Э. Гувера [Richmond, 2003, p. 22].

В масштабах стран оба показателя, естественно, весьма малы, но, думается, что это как раз один из тех случаев, когда значение имеет не количество, а качество. Оно, в свою очередь и в развитие тезиса Г. Б. Кистяковского из рассмотренного выше письма, нуждается в «комплексной и системной оценке» [Department ..., 1959].

В части анализа кадровой составляющей следует прежде всего обратить внимание на то, что средний возраст участников программ обменов составлял 35 лет с советской стороны и 25 лет с американской [Richmond, 2003, p. 24—25]. На первый взгляд, это кажется довольно необычным, учитывая то, что вследствие более длительного обучения в школах и в целом различных систем образования американские специалисты, как правило, позднее начинали свою академическую карьеру по сравнению с советскими. Тем не менее здесь, вероятно, играл роль идеологический и надзира-

тельный элемент: прежде чем оправиться в столь ответственную миссию, советский специалист должен был заслужить доверие со стороны партии и уполномоченных структур. А для этого к нему нужно было присматриваться, причем не один год. Впрочем, и государственный департамент США проверял потенциальных делегатов на предмет «идейной зрелости и эмоциональной устойчивости» [Panteleeva, 2020, p. 5].

Формально участие в соответствующих мероприятиях в США проходило по принципу открытого конкурсного отбора с достаточно высокой конкуренцией: в среднем в 1960-е — 1970-е годы конкурс на участие в программах научно-технического обмена с Советским Союзом составлял три человека на одно место, при этом ежегодно по каждому направлению поступало около 60 заявок [Panteleeva, 2020, p. 6].

В СССР участники программ направлялись по партийным, комсомольским и иным рекомендациям, исходя из потребностей научного и производственного комплексов. Исходный запрос был прежде всего на отправку в ведущую капиталистическую страну «технарей». Однако именно их кандидатуры чаще всего не одобряла принимающая сторона, особенно в случае близости специальности к оборонному сектору. Это вызывало много споров и трений [Richmond, 2003, p. 28].

США, наоборот, старались отдавать предпочтение гуманитариям — по крайней мере, на словах. В качестве «научного десанта» в «цитадель коммунизма» направлялись эксперты в области русского языка и литературы, слависты и историки. Среди последних эксперты по советскому периоду часто сталкивались с отказом в приеме [Ibid., p. 25]. Таким образом, в первой половине 1960-х годов образовалась неформальная категория «персон нон грата»: ученые, чья сфера деятельности тесно соприкасалась с оборонной промышленностью, с советской стороны, и историки-советологи с американской стороны.

Проводя параллели с миром классической дипломатии и с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года, таким кандидатам не выдавали агреманов, то есть согласий государств пребывания на въезд, без объяснения причин. Хотя причины эти были понятны и отражали наиболее чувствительные для каждой из сторон Соглашения сферы.

После длительных переговоров и межведомственных согласований консенсус по данному вопросу все-таки был достигнут. Когда в 1968 году в США Международный совет по научным исследованиям и обменам принял на себя координирующие функции межвузовских обменов, обозначенные неформальные ограничения были сняты. Советские «технари» стали более активно посещать США, а американские «гуманитарии» — СССР, разумеется, до известных пределов [Richmond, 2003, p. 43]. С нашей точки

зрения, это было одним из больших достижений советско-американской научной дипломатии, имевшим не только символическое, но и стратегическое значение в контексте разрядки.

В плане широты и охвата различных научных специальностей на рубеже 1960-х — 1970-х годов советско-американское сотрудничество также достигло впечатляющих результатов: от медицины (совместная успешная борьба с полиомиелитом и малярией) [Raymond, 1973, p. 231—232] до музыковедения [Panteleeva, 2020].

Немаловажную роль, как и в случае заключения соглашения Лэйси–Зарубина [Райнхардт и др., 2023], играл фактор личности участников научных обменов. Среди них было много выдающихся деятелей и впоследствии ученых с мировым именем. Для иллюстрации укажем лишь несколько персоналий, участвовавших в рассматриваемых обменах.

С советской стороны: американист, академик РАН А. Н. Яковлев; физик-оптик, ректор МГУ им. М. В. Ломоносова (1973—1977) Р. В. Хохлов; историк и политик, ректор Московского государственного историко-архивного института (1986—1991), основатель, ректор (1991—2003) и президент (2003—2006) Российского государственного гуманитарного университета Ю. Н. Афанасьев; видный специалист по новой и новейшей истории США Н. В. Сивачев, корифей в области сельского хозяйства, заместитель министра сельского хозяйства СССР (1970—1985), Герой Советского Союза (1945) Б. А. Рунов; космофизик, лауреат Ленинской премии (1976) Ю. И. Стожков.

С американской стороны: историки-советологи А. Даллин, А. Рибер, Г. Эллисон, филолог И. Вейл, журналист Б. Гверцман, юрист П. Мэггс, политолог Р. Шарлет, русист Т. Эммонс, музыковеды Т. Левин и Р. Тарускин.

Оба списка далеко не исчерпывающие и содержат лишь наиболее известные как специалистам, так отчасти и широкой публике фамилии. Каждая из перечисленных фигур может быть рассмотрена отдельно с точки зрения влияния опыта участия в научном обмене на карьерную траекторию. Дополнительные результаты гипотетически может дать и просопографический анализ по очерченной выборке. Такие аналитические процедуры выходят за рамки настоящего исследования, но могут стать предметом последующих.

Завершая текущий анализ в контексте политики разрядки, отметим, что если изначально рамочное соглашение о научно-техническом сотрудничестве было заключено на два года и по их истечении каждый раз продлевалось на такой же срок [Agreement, 1964], то начиная с 1968 года срок его непрерывного действия увеличился до трех лет [Richmond, 2003, p. 15]. В связи с этим уместно заключить, что такая пролонгация стала еще одним

достижением советско-американской научной дипломатии рассматриваемого периода.

4. Заключение = Conclusions

Обобщая результаты проведенного анализа, допустимо отметить, что изначально имевшиеся в конце 1950-х — начале 1960-х годов сложности имплементации соглашения Лэйси–Зарубина как основного проводника советско-американского научно-технического сотрудничества за десять лет последовательной работы были по большей части преодолены. Безусловно, определенные противоречия оставались и давали о себе знать в процессе проведения симпозиумов, конференций, взаимных визитов научных работников, профессоров и студентов. Однако со временем их становилось меньше, и общее движение шло в направлении, с одной стороны, достижения консенсуса и, с другой стороны, расширения сфер научного взаимодействия.

Отмечая в положительном ключе эти процессы интенсификации и экстенсификации, не можем, однако, не обратить внимание на фундаментальную методологическую проблему их единообразной количественной оценки. Попытки выбора системы критериев для определения результативности работы, которые предпринимались еще на начальной стадии имплементации Соглашения, в том числе самим У. С. Лэйси и выдающимся ученым-химиком Г. Б. Кистяковским, так и не увенчались успехом. Вопрос о том, по каким параметрам фиксировать результаты научного диалога — по количеству визитов с каждой из сторон, числу и составу делегаций, их симметричности — так и остался открытым. Впрочем, это касается не только рассматриваемого исторического кейса.

Тем не менее при разных подходах, которые были обусловлены прежде всего различиями общественно-политических формаций СССР и США, *modus vivendi*, необходимый для субстантивного двустороннего сотрудничества в области науки и техники, был найден. В американском случае оно организовывалось в формате государственно-частного партнерства с ведущими вузами (университетами Стэнфорда, Индианы, Колумбии и другими), в советской практике — по линии АН и Минвуза СССР. Благодаря имевшейся заинтересованности эти операторы смогли найти точки соприкосновения, необходимые для успешного проведения мер научного администрирования. Важную роль в этих процессах, конечно же, играли и внешнеполитические ведомства, то есть советский МИД и американский государственный департамент.

Однако главным ресурсом и, по сути, залогом успеха вновь, как и на первом этапе, думается, были отдельные люди из числа не только админи-

страторов, но и самих ученых. Список участников советско-американских программ научных обменов исследуемого периода содержит множество фигур, известных как в узких, так и в широких кругах по обе стороны Атлантики. Есть в этом списке и лица, имевшие, мягко говоря, опосредованное отношение к науке, а также весьма сомнительную репутацию, как, например, бывшие сотрудники КГБ СССР О. Д. Калугин и Б. Н. Южин [Richmond, 2003, p. 32, 36]. Но их появление там видится даже до некоторой степени закономерным в общем контексте эпохи Холодной войны, которая, несмотря на потепление отношений и обозначенные достижения, продолжалась.

Вместе с тем описанный прорыв советско-американской научной дипломатии стоит, с нашей точки зрения, рассматривать именно во взаимосвязи с разрядкой международной напряженности рубежа 1960-х — 1970-х годов. Уже действовавшее к моменту начала разрядки почти десять лет соглашение Лэйси–Зарубина органично вписалось в нее и стало одним из элементов ее матрицы, пусть и далеко не самым главным фактором. Наряду со своим историческим значением, именно этим приведенный пример ценен в привязке к сегодняшним реалиям. Когда на отдельных треках межгосударственных отношений «взорваны все мосты», однако задача сберечь отношения между народами стоит в полный рост, возможно, опыт научной дипломатии может открыть лицам, принимающим решения, равно как и людям доброй воли, дополнительные возможности для нормализации сложившейся ситуации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Agreement*. Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields [Electronic Resource]. — 1958. — Access mode : <https://librariesandcoldwarculturalexchange.wordpress.com/text-of-lacy-zaroubin-agreement-january-27-1958/> (accessed 10.03.2023).
2. *Agreement*. Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Scientific, Technical, Educational, Cultural and Other Fields in 1964—1965 // International Legal Materials. — 1964. — Vol. 3. — Is. 2. — Pp. 339—358.
3. *Analysis of Our Moscow Link : The U.S.-U.S.S.R. Exchange Program Has Gone on Since 1958 — Despite the Cold War and Differences in the Two Sides' Objectives*. Weintal E. The New York Times. 06.08.1961.
4. *Department of State, Central Files, 511.61/7-2558*. Confidential. Letter From the Secretary of State's Special Assistant for East-West Exchanges (Lacy) to Secretary of State Dulles, Washington, July 25, 1958.

5. *Department of State, Central Files, 511.613/11-2459. Confidential. Letter From the President's Special Assistant on Science and Technology (Kistiakowsky) to Secretary of State Herter, Washington, November 24, 1959.*

Литература

1. *Иванян Э. А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей / И. Э. Иванян. — Москва : Международные отношения, 2007. — 432 с. — ISBN 978-5-7133-1316-6.*

2. *Крынжина М. Д. Возможности научной дипломатии в условиях санкций : опыт советско-американского научно-технического сотрудничества в 1970—1980-е гг. / М. Д. Крынжина // Социология науки и технологий. — 2020. — № 3. — С. 59—73. — DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13004.*

3. *Райнхардт Р. О. Научный тупик и санкционная вагонетка [Электронный ресурс] / Р. О. Райнхардт // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 24.08.2022. — Режим доступа : <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nauchnyy-tupik-i-sanktsionnaya-vaгонетка/> (дата обращения 10.03.2023).*

4. *Райнхардт Р. О. Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года : у истоков советско-американской научной дипломатии / Р. О. Райнхардт, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2023. — № 1. — С. 431—446. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446>.*

5. *Сазанова Н. В. Российско-американские обменные программы : история и современность (1958—2005 годы) / Н. В. Сазанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2007. — № 12. — С. 101—107.*

6. *Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy / N. Gould-Davies // Diplomatic History. — 2003. — Vol. 27. — Is. 2. — Pp. 193—214.*

7. *Krasnyak O. Science Diplomacy and Soviet-American Academic and Technical Exchanges / O. Krasnyak // The Hague Journal of Diplomacy. — 2020. — Vol. 15. — Is. 3. — Pp. 398—408. — DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-BJA10025>.*

8. *Panteleeva O. “Music is an A-Political Subject” : North American Musicologists in the Soviet Union, 1960s—1970s / O. Panteleeva // Music and Politics. — 2020. — Vol. 14. — Is. 2. — DOI: 10.3998/mp.9460447.0014.207.*

9. *Raymond E. A. US-USSR Cooperation in Medicine and Health / E. A. Raymond // Music and Politics. — 1973. — Vol. 32. — Is. 2. — Pp. 229—240.*

10. *Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War : Raising the Iron Curtain / Y. Richmond. — Pennsylvania : Penn State University Press, 2003. — 264 p. — ISBN 0271023023.*

11. *Richmond Y. U.S.-Soviet Cultural Exchanges, 1958—1986. Who Wins? / Y. Richmond. — New York : Routledge, 1987. — 202 p. — ISBN 9780367215583.*

12. *Saul N. The Program that Shattered the Iron Curtain / N. Saul // New Perspectives on Russian-American Relations. — New York : Routledge, 2015. — Pp. 229—239. — ISBN 9781315689777.*

13. *Sher G. S. From Pugwash to Putin : A Critical History of US-Soviet Scientific Cooperation / G. S. Sher. — Bloomington : Indiana University Press, 2019. — 324 p.*

*Статья поступила в редакцию 16.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 15.04.2023.*

Material resources

- Agreement. (1958). *Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields*. Available at: <https://librariesandcoldwarculturalexchange.wordpress.com/text-of-lacy-zarubin-agreement-january-27-1958/> (accessed 10.03.2023).
- Agreement. (1964). Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Scientific, Technical, Educational, Cultural and Other Fields in 1964—1965. *International Legal Materials*, 3 (2): 339—358.
- Analysis of Our Moscow Link: The U.S.-U.S.S.R. (1961). *Exchange Program Has Gone on Since 1958 — Despite the Cold War and Differences in the Two Sides' Objectives*. Weintal E. *The New York Times*. 06.08.
- Department of State, Central Files, 511.617—2558. (1958). *Confidential. Letter From the Secretary of State's Special Assistant for East-West Exchanges (Lacy) to Secretary of State Dulles, Washington, July 25*.
- Department of State, Central Files, 511.613/11—2459. (1959). *Confidential. Letter From the President's Special Assistant on Science and Technology (Kistiakowsky) to Secretary of State Herter, Washington, November 24*.

References

- Gould-Davies, N. (2003). The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. *Diplomatic History*, 27 (2): 193—214.
- Ivanyan, E. A. (2007). *When the muses speak. The History of Russian-American cultural ties*. Moscow: International Relations. 432 p. ISBN 978-5-7133-1316-6. (In Russ.).
- Krasnyak, O. (2020). Science Diplomacy and Soviet—American Academic and Technical Exchanges. *The Hague Journal of Diplomacy*, 15 (3): 398—408. DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-BJA10025>.
- Krynzhina, M. D. (2020). The possibilities of scientific diplomacy under sanctions: the experience of Soviet-American scientific and technical cooperation in the 1970s—1980s. *Sociology of Science and Technology*, 3: 59—73. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13004. (In Russ.).
- Panteleva, O. (2020). “Music is an A-Political Subject”: North American Musicologists in the Soviet Union, 1960s—1970s. *Music and Politics*, 14 (2): DOI: 10.3998/mp.9460447.0014.207.
- Raymond, E. A. (1973). US-USSR Cooperation in Medicine and Health. *Music and Politics*, 32 (2): 229—240.
- Reinhardt, R. O. (2022). Scientific deadlock and sanctions trolley. *International discussion Club “Valdai”*. 24.08. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nauchnyy-tupik-i-sanktsionnaya-vagonetka/> (accessed 10.03.2023). (In Russ.).
- Reinhardt, R. O., Nemudrov, K. A. (2023). The Lacey—Zarubin Agreement of 1958: at the origins of Soviet-American scientific diplomacy. *Nauchnyy dialog*, 1: 431—446. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446>. (In Russ.).
- Richmond, Y. (2003). *Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain*. Pennsylvania: Penn State University Press. 264 p. ISBN 0271023023.
- Richmond, Y. (1987). *U.S.-Soviet Cultural Exchanges, 1958—1986. Who Wins?* New York: Routledge. 202 p. ISBN 9780367215583.
- Saul, N. (2015). The Program that Shattered the Iron Curtain. In: *New Perspectives on Russian-American Relations*. New York: Routledge. 229—239. ISBN 9781315689777.

- Sazanova, N. V. (2007). Russian-American exchange programs: history and modernity (1958—2005). *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relations*, 12: 101—107. (In Russ.).
- Sher, G. S. (2019). *From Pugwash to Putin: A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation*. Bloomington: Indiana University Press. 324 p.

*The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 15.04.2023.*